

«ЕВРЕЙСКОЕ ВОСТОЧНИЧЕСТВО» Я.А. БРОМБЕРГА

© 2020

Быстрыков В.Ю.

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. Евразийское движение включало в себя большое количество интеллектуалов – представителей русской эмиграции. Не все из них разделяли идеологию нового движения, некоторые оказались в его рядах случайно и впоследствии отрешивались от евразийства. А.В. Карташев, С.Л. Франк, П.М. Бицилли имели статус приглашенных специалистов и не могли быть отнесены к евразийству. Актуальным является вопрос о составе движения и правомерности отнесения текстов того или иного автора к евразийским. Среди их множества выделим работы Я.А. Бромберга, посвященные еврейскому вопросу. Он указывал, что толчком для их написания послужили статьи Л.П. Карсавина и А.З. Штейнберга, опубликованные в еженедельнике «Версты». Методология Я.А. Бромберга полностью базировалась на установках, появившихся в предшествующих работах евразийских авторов, особенно П.Н. Савицкого, Н.С. Трубетцкого и Л.П. Карсавина. Он считал, что положение еврейства на стыке Польши и России обязывало осмыслить религиозно-культурную и политическую позицию по отношению к Востоку и Западу. Основным смыслом работ Я.А. Бромберга заключался в критике западных направлений в среде восточного еврейства и признание его «евразийского» будущего как единственного возможного.

Ключевые слова: русская эмиграция; евразийское движение; Россия-Евразия; П.Н. Савицкий; Н.С. Трубетцкий; Л.П. Карсавин; Я.А. Бромберг; еврейский вопрос; еврейское восточничество; «периферийная» интеллигенция; православие и иудаизм; религиозно-эсхатологический дух иудаизма; идеократия; революция 1917 г.

«JEWISH EASTERNISM» OF YA.A. BROMBERG

© 2020

Bystryukov V.Y.

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The Eurasian movement included a large number of intellectuals – representatives of the Russian emigration. Not all of them shared the ideology of the new movement, some were in its ranks accidentally and later disavowed Eurasianism. A.V. Kartashev, S.L. Frank, P.M. Bitsilli had a status of invited specialists and could not be attributed to Eurasianism. The issue about the membership of the movement and the legitimacy of attributing the texts of a particular author to the Eurasian ones is relevant. We deal with the works of Ya.A. Bromberg, devoted to the Jewish question. He said that the impetus for writing them was the articles by L.P. Karsavin and A.Z. Steinberg published in the weekly magazine «Versty». Ya.A. Bromberg's methodology was completely based on the policy that appeared in previous works of Eurasian authors, especially P.N. Savitskiy, N.S. Trubetskoy and L.P. Karsavin. He considered that the position of Jewry at the junction of Poland and Russia obliged to understand the religious, cultural and political position to the East and West. The main meaning of the works by Ya.A. Bromberg was the critics of Western movements in the area of Eastern Jewry and acceptance of its «Eurasian» future as the only possible one.

Keywords: Russian emigration; Eurasian movement; Russia-Eurasia; P.N. Savitsky; N.S. Trubetskoy; L.P. Karsavin; Ya.A. Bromberg; Jewish question; Jewish easternism; «distal» intelligentsia; Orthodoxy and Judaism; religious-eschatological spirit of Judaism; ideocracy; revolution of 1917.

В 1920–1930-х гг. одним из наиболее динамично развивавшихся направлений русской мысли за рубежом было евразийство. Остро поставив вопрос о причинах революции 1917 г. и победы большевиков в Гражданской войне, евразийство произвело фурор в среде эмиграции. Нетривиальные выводы об особенностях исторического развития России, смысле и значении каждого этапа истории страны, об особенностях ее культуры позволили их идеям приобрести большую популярность. Следствием этого стало организационное оформление движения, активная работа по публикации евразийских сборников и отдельных произведений [1, с. 108]. Широкая известность способствовала вступлению в ряды евразийства новых участников. Для удержания внимания читающей публики евразийцам требовалось раскрытие новых тем и привлечение новых авторов. Процесс этот был достаточно сложным, поскольку многих из них отпугивал радикализм возникшего дви-

жения. Некоторые авторы, например М.В. Шахматов, достаточно быстро дезавуировали свое участие в евразийских изданиях [2, с. 1]. Другие – такие как А.В. Карташев, Н.С. Арсеньев – отметились единичными публикациями, не имевшими отношения к евразийской доктрине [3; 4].

Имя Якова Абрамовича Бромберга (1898–1948) в литературе, посвященной евразийству, упоминается очень редко и практически всегда только лишь при перечислении участников евразийского движения. Биографические данные об этом авторе пока еще не введены в научный оборот. Известно, что Я.А. Бромберг с 1921 г. жил в Чехословакии, учился в Пражском политехническом институте, сотрудничал с Семинаром имени Н.П. Кондакова, в 1929 г. переехал в США. Из архивных источников мы можем узнать, что, например, 16 апреля 1928 г. Я.А. Бромберг выступал в Евразийском семинаре в Праге с докладом о пересмотре еврейского вопроса [5, л. 45]. Скорее

всего, Я.А. Бромберг практически не участвовал в организационной работе, поскольку в протоколах Пражской евразийской группы за февраль, июнь и сентябрь 1929 г. среди участников его имя не упоминается [5, л. 130, 140; 6, л. 1]. В 1931 г. на совещаниях, предварявших Первый съезд евразийских организаций в Брюсселе, Я.А. Бромберг, а также В.Н. Ильин и В.А. Пейль были намечены П.Н. Савицким в члены ЦК. Это неудивительно, поскольку он уже проживал в США и в качестве члена ЦК вполне мог представлять интересы движения за океаном. Однако в работе самого съезда Я.А. Бромберг участия не принимал.

Иногда его работы упоминаются в серьезных научных статьях более подробно. Например, Е.О. Розова считает его видным еврейским историком, активным участником евразийского движения, «разрабатывавшим еврейскую тему в русле евразийства» [7, с. 81]. В.И. Повилайтис в работе, посвященной философско-методологическим идеям русских философ-эмигрантов, среди многообразия имен выбрал Я.А. Бромберга и один из параграфов посвятил его взглядам. Он отмечал, что Я.А. Бромберг стремился использовать разработанные в евразийстве методологические приемы для характеристики еврейского вопроса [8, с. 95]. Разрабатывая свою модель, он хотел доказать ложность рационализма рациональными методами, тем самым впадая в противоречие. Объединяя национальность и географическую среду, Я.А. Бромберг, как и другие евразийцы, объясняет все многообразие естественнонаучных фактов путем подчинения духовным началам.

Упомянут работы Я.А. Бромберга и В.А. Шнирельман в рассуждениях о национальной доктрине евразийства, называя его «правоверным евразийцем», указывая, что в своих рассуждениях он идет вслед за Л.П. Карсавиным [9, с. 60]. Что характерно, исследуя еврейский вопрос в евразийстве, В.А. Шнирельман чаще цитирует работу Л.П. Карсавина «Россия и евреи» [10], нежели труды Я.А. Бромберга. Отметим также, что переиздание работ Я.А. Бромберга в 2002 г., составителем которого выступил в том числе А.Г. Дугин, в отличие от переиздания работ остальных евразийцев (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев), осуществленных при его участии, было лишено вступительной статьи о самом евразийском авторе [11].

На страницах евразийских изданий Я.А. Бромберг опубликовал лишь несколько статей, помимо этого, в издательстве евразийцев вышла его книга «Запад, Россия и еврейство: опыт пересмотра еврейского вопроса» [12]. Тем не менее в историографии он, безусловно, относится к евразийским авторам. Однако история движения показывает, что факт публикации в евразийских изданиях нескольких работ еще не означает автоматического зачисления автора в его ряды. Поэтому целью данной статьи является анализ произведений Я.А. Бромберга, опубликованных в евразийских изданиях, определение их соответствия евразийской концепции в целом.

Еврейский вопрос, как анализ положения еврейства до революции и роли его в событиях 1917 г., в принципе не был актуальным для евразийцев. До работ Я.А. Бромберга можно назвать лишь статью Л.П. Карсавина [10], которая и сподвигла его написать книгу. Возможности опубликовать что-либо новое по неразработанной теме П.Н. Савицкий, конеч-

но, не упустил, тем более что Л.П. Карсавин остался в Клармарской группе, а раскол стимулировал соперничество, в том числе интеллектуальное, между Парижской и Пражской ячейками.

Еврейскую проблему Я.А. Бромберг обозначал как повальное увлечение еврейской интеллигенции утопическими и максималистическими формами социализма, приведшее к активному участию в событиях революции и Гражданской войне, а также как бесправное положение еврейства в дореволюционный период. Своей задачей он видел характеристику культурных и политических идеалов «периферийной» еврейской интеллигенции (термин Л.П. Карсавина), то есть той ее части, которая наиболее тесно связана с нееврейской средой. Он хотел доказать их несоответствие нуждам основной массы еврейского народа и наметить пути выхода из этой коллизии посредством критики рационалистическо-утопических начал и выдвигая «религиозно-мистических, мессианских и провиденциальных точек зрения на судьбы народов и культурных миров».

Рассмотрение еврейского вопроса Я.А. Бромберг начинал с обозначения методологических подходов. Он отвергал расовую, юридическую и политическую проблематику, характерную для европейской мысли, и считал необходимым рассмотреть этот вопрос с общих точек зрения на «вселенское призвание нашего общего российского отечества» [13, с. 9]. В основе его рассуждений лежал геополитический подход – «еврейскую проблему» он рассматривал через призму евразийских установок о влиянии месторазвития на историческую судьбу народов и разрушительном влиянии западной культуры на евразийские народы.

В своих работах Я.А. Бромберг опирался на идеи Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Л.П. Карсавина, прямо об этом заявляя. Такая логика в его работах прослеживается очень четко: объяснение смысла русской истории, причин революции и прогнозов будущего развития России–Евразии выдержаны абсолютно в евразийском ключе. Преимущество культурных миров он выводил из «таинственных осуществлений внемировых и предвечных определений» [13, с. 20]. Характеризуя революцию 1917 г., он писал о крушении надежд «европейского просветительства и рационализма западнического толка». Кризис еврейского западничества он сопоставляет с кризисом петровской России, приведшим к событиям 1917 г.

Я.А. Бромберг стоял перед сложной задачей – написать работу о еврействе в евразийском ключе, а возможно, в чем-то и заменить Л.П. Карсавина в рассуждениях на религиозно-философские темы. Но для того, чтобы включить еврейскую диаспору в евразийский мир, необходимо было найти точки опоры, обосновать новую традицию. Если ислам и буддизм еще можно было объявить потенциальным православием (хотя и это утверждение было более чем спорным), то в случае с иудаизмом такое заявление выглядело бы откровенно схематичным. Для решения этого вопроса Я.А. Бромберг определенным образом синтезировал геополитическую и культурно-историческую традиции. Генетическую близость он выводил из общих принципов азиатских («азиатских», как уточнял сам Я.А. Бромберг) культур. Такая же игра слов: «азиатский» – «азиатский» – «азиатский» – присутствовала в работе П.Н. Савицкого «Евразийство» [14, с. 7]. Сам П.Н. Савицкий указывал, что эллини-

стическая культура, как и сменившая ее византийская, также являются евразийскими.

Россия-Евразия восприняла религиозно-культурную традицию от Византии, существовавшей в ареале распространения азиатской культуры, то есть там, где существовала и иудейская культура. Геополитическая общность в данном случае породила духовную традицию, значение и смысл которой относится ко второму этажу евразийской культуры (в терминах Н.С. Трубецкого) [15, с. 86]. Этим данная традиция отличается от монголо-русской, также основанной на геополитической общности, но не поднявшейся до такого уровня в своем культурно-историческом значении. Будущее А.Я. Бромберг связывал с актуализацией «азиатских» начал культурных устоев еврейства.

Я.А. Бромберг указывает на постепенное проникновение еврейского населения на территорию Восточной Европы в X–XII вв. Интересно, что он с большой симпатией пишет о Хазарском царстве, считая, что там разыгрались первые эпизоды «провиденциальной встречи России с еврейством» [16, с. 195]. Он также указывает на широкое распространение еврейских общин на территории Золотой Орды и невнимание к этому вопросу со стороны исторической науки. В XVI в. малороссийское и галицийское еврейство сыграло неприглядную роль, став орудием эксплуатации украинского крестьянства польскими магнатами. Разделы Польши привели к включению в состав Российской империи большого количества еврейского населения и способствовали появлению движения хасидизма. Оно стал порождением местечкового и сельского еврейства юго-западной окраины евразийского мира. Я.А. Бромберг проводил параллели между его основателями и взглядами оптинских старцев и Тихона Задонского [16, с. 202]. Он также отмечал общее в религиозных началах русской литературы и концепции хасидизма. Для него участие еврейских элементов в общей картине евразийского многообразия являлось залогом возрождения еврейства. Одно из противоречий он видел в тесном географическом локализованном расселении евреев в пределах России и общеимперском значении русско-еврейской культуры и политической коллизии.

Религиозно-эсхатологические идеалы, питавшие еврейскую интеллигенцию до конца XVIII в., исказились и угасли, и это сделало возможным, с одной стороны, рост западного рационализма, с другой – активное участие в радикально-социалистических экспериментах. Противостояли этим идеям только немногочисленные сторонники хасидического старчества.

Весь пафос критики Я.А. Бромберга был направлен на еврейскую «периферийную интеллигенцию, поставлявшую кадры и для коммунистической власти, и для мещански-демократического европеизма и сионизма. Еврейская «периферия» зародилась в XVIII в. в условиях культурно-правовых, политических, философских течений европеизма, как протестантского, так и католического [17, с. 44]. Я.А. Бромберг проводит параллели между папозаристской концепцией построения Царства Божия на земле и социальным лжемессианизмом революционной эпохи. Он выступал против устоявшихся утверждений, возводивших еврейскую оппозиционность и религиозность к правовой и бытовой ущемленности в европейских государствах до Первой мировой войны.

В работах А.Я. Бромберга явственно проступает евразийская концепция революции 1917 г. Он пишет о возможности принятия «исторической катастрофы» и для жителей СССР, и для эмиграции. Революция 1917 г. означала разгром культурного массива восточного еврейства и победу «социально-утопического фанатизма еврейско-западной полуинтеллигенции» [16, с. 205]. Активное участие евреев в новой власти разрушило легенду о непричастности к функциональному злу «властодержательства» еврейства. Еврейская периферия к концу 20-х гг. XX в. в Европе уже могла быть противопоставлена основному этническому массиву еврейства. В среде еврейства нарастал диссонанс «европейско-арийского» и «азиатско-еврейской стихии». По мнению Я.А. Бромберга, особой глубины достигло расхождение между «правящим слоем» интеллигентов-утопистов и денежной буржуазии и культурно-религиозной стихии восточно-еврейского народа [16, с. 193].

Естественно, Я.А. Бромберг вынужден искать что-то общее у простых масс восточного еврейства и положительных сторон России-Евразии. Это общее он видел в увеличении и ценности онтологически сродных проявлений православного благочестия и в восприятии пафоса «российского органического великодержавия» [13, с. 104]. Легенда о Белом царе объединяла еврейского простолюдина и киргизского кочевника. Я.А. Бромберг отмечает наивный монархизм простого еврейского населения, культ отдельных правителей – Петра I, Екатерины II, Александра I и особенно Николая I.

Будущее еврейства он видел в оформлении и уточнении религиозной догматики иудаизма и в освобождении от бездушного рационализма. Источник вдохновения для таких поисков он видел в русской религиозно-философской литературе и призывал идти на «выучку к православию». Я.А. Бромберг однозначно отвергал католичество и протестантизм в качестве таких образцов. В качестве примера он приводил жизнь еврейства в рамках Речи Посполитой, говоря о том, что к концу XVIII в. польские евреи оказались выжатыми и опустошенными.

Активное участие еврейства в событиях революции 1917 г. и «социалистическое строительство» в СССР Я.А. Бромберг связывал с явлениями всеобщего оскудения и извращения религиозно-эсхатологического духа иудаизма. Еврейскую периферию в коммунистическом строительстве привлекал соблазн создания общества на рациональных и утилитарных началах и социально-утопических идеалах. Коммунизм отбросил понятия отечества, власти и государства как культурно-личности, сыграв на тонких струнах периферийного еврейства. А. Бромберг считал благом существование еврейства в рамках единого государства – Российской империи и отрицательно относился к его последующему разделению среди новых государств Восточной Европы – «малых как по своему территориальному объему, так и по заложенным в них возможностям – историческим, культурным, экономическим или политическим» [13, с. 58].

Я.А. Бромберг видел параллели в трагической судьбе еврейства, вынужденного находиться в изгнании, и русского народа, переживавшего ужасы революции, несмотря на видимое противоречие между православием и иудаизмом. Главной чертой европейского кризиса он признавал атрофию религиозного и нравственного начала в отношениях лю-

дей и народов. Болезненное сознание еврейской периферии, находящейся под контролем утилитарно-рационалистических начал, порождало феномен самопожертвования ради зла, но воспринимаемого как добро. Он видел общее и в тех представителях еврейской периферии, которые отстаивают и принципы западной демократии, и постулаты коммунизма. Это общее он возводит к иудейской религиозной традиции (пусть и в искаженной форме) и связанным с ней хилиастическими упованиями. Ощущение грядущего торжества этих принципов, являющихся искаженным видом религиозных начал, давало периферийной интеллигенции чувство оптимизма. Основанием для такого видения являлись политические события после Первой мировой войны: возникновение демократических режимов в Центральной Европе, признание великими державами притязаний евреев на земли в Палестине и революция в России.

Сионизм Я.А. Бромберг критиковал за отказ от религиозно-мистической устремленности в сторону решения конкретных политических задач, в первую очередь, устройства в Палестине еврейских поселений, а в дальнейшем – и государства. Сионистам было даже выгодно то падение религиозности в государствах Европы, которое заставило не обращать внимание на факт перехода контроля над Святой Землей от мусульманских к христианским государствам впервые с 1244 г. «В сионизме сказались зарождаемость еврейской периферии призраком земной силы и царствие мира сего» [13, с. 141]. Неудивительно, что сионисты в чем-то симпатизировали советскому строю и связывали с ним снятие ограничений с еврейского населения.

Превращение Святой Земли в обычное демократическое индустриализированное государство, точку опоры Великобритании на Ближнем Востоке, Я.А. Бромбергу претило. Он отмечал тот факт, что «принцип национального самоопределения», провозглашенный В. Вильсоном, давал больше права на самоопределение арабскому населению Палестины, более тринадцати веков проживавшему на этой территории, нежели еврейским переселенцам. Я.А. Бромберг считал, что сионизм, в своем стремлении превратить восточное еврейство в очередную западную демократию в грядущей борьбе «православно-восточных» и «европейски-католических начал», неизбежно станет проводником последних.

Я.А. Бромберг удивлялся факту защиты еврейской периферией украинских и белорусских самостийников, указывая на тот факт, что в 1918–1920 гг. на Украине погибло евреев в десятки раз больше, чем во всех погромах начала XX в. в Российской империи. Активное участие еврейства в теории и практике российской революции ставило проблему очищения и спасения. «Восточное еврейство находилось перед выбором – либо раствориться в европейском смесительно-безбожном небытии, либо отречься от духа прогрессистско-научоверческого невежества» [17, с. 45]. Будущее восточного еврейства Я.А. Бромберг видел в борьбе за «евразийскую Россию». Она неизбежно связана с возрождением религиозного начала, имеющего вселенский и провиденциальный смысл. «Именно от евразийского строя будущей России наши юго-западные окраины вправе ожидать должного ценения прошлой и будущей роли их в общей экономике великой страны, понесенных ими жертв и усилий в борьбе за свою русскость и гряду-

щего огромного значения их в предстоящей оборонительной войне против Запада» [13, с. 181].

Будущее еврейства Я.А. Бромберг связывал с переживанием революции, отказом от социально-утопических идей. Однако он видел угрозу в возрастании расизма в Европе, в развитии похоти властвования и угнетения у «обширных масс уличной черни современных мировых городов». На пути у нового «массового» империализма с расистскими целями оказывается Россия, и поэтому она становится естественным союзником и защитником от опасности, исходящей от Запада.

Он предвидел ситуацию выбора для восточного еврейства – или следовать за своим правящим слоем и раствориться в мире западно-демократической политики, или отречься от него. Глубокое отличие евразийского мира от западной культуры он видел в совместном творчестве национальных и религиозных культур России-Евразии под политическим и идеологическим водительством русского народа. Еврейству необходимо занять свое место среди народов России-Евразии, ввести свою судьбу в грядущее мессианское призвание России по отношению к вселенским судьбам всего религиозного человечества.

В середине 1930-х гг. в ответ на анкету «Евразийских тетрадей» Я.А. Бромберг отмечал рост антидемократических движений, но в то же время говорил, что понятие идеократии пока еще «бесплотная и бесформенная абстрактность» [18]. Он характеризовал усталость современного мира от научно-технического прогресса, социально-политических теории и классовой борьбы, финансового капитала и политических партий, капитализма и коммунизма. Вместе с тем он отмечал, что, вопреки надеждам старых идеологов, мечтавших о развитии демократических процессов, в реальной жизни нации внутренние проблемы и противоречия заслоняются внешнеполитической повесткой. «Народы ныне, каждый своим путем, в зависимости от своих исторических традиций, геополитического положения и условий момента, явно устают от тяжеловесных прогнивших парламентско-народоправских форм и подчиняются водительству волевых групп новых людей, берущих на себя ответственность прежде всего за международно-политическое будущее данной нации» [18, с. 44].

Характеризуя США, он отмечал многие пороки современного капитализма: крайний индивидуализм и жажду наживы, всеядность СМИ и их разлагающее влияние на население, низкий уровень т.н. массовой культуры, коррупцию в государственных органах и судебной системе. Он считал, что Америка отреклась от европейской культурно-исторической традиции ради идеи обогащения. Вместе с тем начала идеократии он видел в системе фильтров, когда политическая система отсеивала людей на уровне муниципалитетов, графств и штатов. Общий его вывод звучал как приговор возможности установления идеократического строя: он становился невозможным, в силу разрушения плутократией понятий о нравственности, ответственности власти и служения государству. Современное ему американское общество характеризовалось духовным опустошением и распылением, пестованием уголовных инстинктов и индивидуализмом.

Работы Я.А. Бромберга в целом однозначно следует отнести к евразийским. Их логика такова, что он взял идеи, уже высказанные в евразийской литературе, и наложил на них историю еврейского народа. Все это он снабдил футурологическим прогнозом

грядущей борьбы России и Запада. Поскольку эти мысли были высказаны в 1931 г., то может показаться, что в чем-то он был прав, предвещая Вторую мировую войну. Однако Я.А. Бромберг, в духе евразийских установок, в лице Запада имел в виду все европейские страны, в том числе и англосаксонские.

В соответствии с идеологией евразийства трансляция идей между мирами передавалась двумя путями: через геополитическую (Золотая Орда) и культурно-историческую (Византия) традиции [19]. Однако у этих стран были и свои традиции. Византия существовала на территории распространения эллинизма. Я.А. Бромберг пишет о том, что иудаизм и христианство существовали в рамках этого месторазвития, что автоматически делает необходимым некий культурный обмен между народами. Таким образом, точки соприкосновения были найдены благодаря геополитическому подходу к истории. Возникновение еврейской периферии произошло в XVIII в., рост ее интеллектуального влияния стал возможным в XIX в., когда в России были популярны западные идеи. Революция 1917 г. трактовалась евразийскими терминами. Принимая понятие идеократии, он не находил таковую в США. Весь остальной пафос его произведений посвящен критике идей «периферии» и задач по сближению с другими народами «евразийского мира».

П.Н. Савицкий, разбирая особенности полемики вокруг евразийства, писал о том, что в 1931 г. тезисы о западном пути еврейства дождалось своего опровержения в работах Я.А. Бромберга. «Европа» не есть «единственный» путь для русского еврейства. И западничество не есть единственная для него возможность. Возможно и необходимо появление и развитие еврейского восточничества. С восточничеством этим евразийство должно быть в сотрудничестве и союзе [20, с. 3]. Как видно, П.Н. Савицкий вкладывает в понятие «еврейское восточничество» культурно-исторический смысл, тогда как у Я.А. Бромберга это понятие в первую очередь географично, оно уже существует на данном месторазвитии и уже потом несет иные характеристики.

Таким образом, несмотря на то, что Я.А. Бромберг опубликовал небольшое количество работ в евразийских изданиях и в 1929 г. уехал в США, его работы однозначно относятся к евразийским. Он полностью опирался на идеи евразийской литературы, накладывая на них отдельные факты истории восточноевропейского еврейства. В отличие, например, от К.А. Чхеидзе, привнесшего в евразийство личные взгляды и убеждения, связанные с Философией Общего Дела, работы Я.А. Бромберга практически не содержат таких вариаций. Характеристика В.А. Шнирельманом Я.А. Бромберга как «правоверного евразийца» в этом плане абсолютно верна [9, с. 60].

Список литературы:

1. Быстрыков В.Ю. В поисках Евразии: общественно-политическая и научная деятельность П.Н. Савицкого в годы эмиграции (1920–1938 гг.). Самара: Самарское кн. изд-во, 2007. 278 с.
2. Шахматов М.В. Евразийство и русское самобытничество. Письмо в редакцию // Возрождение. 06.06.1925. № 4. С. 1.
3. Карташев А.В. Реформа, реформация и исполнение Церкви // На путях. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 30–98.
4. Арсеньев Н.С. Живые камни // Евразийский временник. Берлин: Евразийское книгоиздательство. Кн. 3. 1923. С. 100–102.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5783. Савицкий Петр Николаевич. Оп. 1. Ед. хр. 449.
6. ГАРФ. Ф. Р-5911. Чхеидзе Константин Александрович. Оп. 1. Ед. хр. 98.
7. Розова Е.О. В.Н. Ильин и евразийское течение // Русское зарубежье: История и современность: сб. ст. / ред. кол.: Ю.В. Мухачёв и др. М., 2014. Вып. 3. С. 76–86.
8. Повилайтис В.И. Что есть история? Версии русского зарубежья. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. 184 с.
9. Шнирельман В.А. Евразийцы и евреи // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2010. № 1. С. 46–78.
10. Карсавин Л.П. Россия и евреи // Версты. Париж, 1928. Вып. 3. С. 65–86.
11. Бромберг Я.А. Евреи и Евразия / сост. А. Дугин, Д. Тараторин. М.: Аграф, 2002. 319 с.
12. Бромберг Я.А. Запад, Россия и еврейство: опыт пересмотра еврейского вопроса / предисл. В.Н. Ильина. Прага: Изд. евразийцев, 1931. IV, 196 с.
13. Бромберг Я.А. Запад, Россия и еврейство: опыт пересмотра еврейского вопроса / предисловие В.Н. Ильина // Бромберг Я.А. Евреи и Евразия / сост.: А. Дугин, Д. Тараторин. М.: Аграф, 2002. С. 5–232.
14. Савицкий П.Н. Евразийство // Евразийский временник. Берлин: Евраз. книгоиздательство, 1925. С. 5–23.
15. Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры // Исход к Востоку: предчувствия и свершения. София: Рос.-Болг. книгоизд-во, 1921. С. 86–103.
16. Бромберг Я.А. Еврейское восточничество в прошлом и будущем // Тридцатые годы. Париж: Изд. евразийцев, 1931. С. 191–211.
17. Бромберг Я.А. О необходимом пересмотре еврейского вопроса // Евразийский сборник / под ред. Н.Н. Алексева, В.Н. Ильина, Н.А. Клепинина, П.Н. Савицкого и К.А. Чхеидзе. Прага, 1929. С. 43–48.
18. Бромберг Я.А. Идет ли мир к идеократии? [ответ на анкету журнала «Евразийские тетради»] // Евразийская хроника. Берлин, 1935. Вып. 11. С. 42–49.
19. Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. Кн. 4. С. 318–337.
20. Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство: полемика вокруг евразийства в 1920-х годах // Тридцатые годы. Кн. 7. Париж: Издание евразийцев, 1931. С. 1–52.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Быстрыков Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: bokshich@yandex.ru.	Bystryukov Vladimir Yurevich, candidate of historical sciences, associate professor of World History, Law and Methods of Teaching Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: bokshich@yandex.ru.

Для цитирования:

Быстрыков В.Ю. «Еврейское восточничество» Я.А. Бромберга // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 3. С. 219–223. DOI: 10.17816/snv202093207.